

**Савинков Борис Викторович, В.
Ропшин**

**Во Франции во время
войны**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Викторович С.**
Во Франции во время войны: Часть 1 / Савинков Борис Викторович, В. Ропшин – М.: Книга по Требованию, 2025. – 196 с.

ISBN 978-5-8853-6637-3

Во Франции во время войны. Часть 1 — продолжение сборника военных корреспонденций Бориса Викторовича Савинкова, известного под псевдонимом В. Ропшин.

В своих очерках Савинков описывает события Первой мировой войны, делаясь личными впечатлениями и наблюдениями о жизни во Франции в период с сентября 1914 по июнь 1915 года. Его работы предоставляют уникальный взгляд на военные действия и настроение французского общества того времени.

Борис Савинков был не только писателем, но и активным политическим деятелем, революционером и одним из лидеров партии эсеров. Его литературное творчество, включая этот сборник, отражает глубокий анализ происходящих событий и личный опыт участия в них.

ISBN 978-5-8853-6637-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОДНИ И ДРУГІЕ.

Сегодня ночью я уѣзжаю въ Парижъ. Ко мнѣ приходитъ прощаться мой пріятель рыбакъ Дюпюи. У него сожженное солнцемъ лицо, изсохшая шея и большія, жесткія, рабочія руки. Онъ весь изсохшій и жесткій, точно старый корабельный канатъ. Онъ разсматриваетъ карту Европы и мозолистымъ пальцемъ неумѣло ищетъ Компьень.

— Они въ Компьенѣ? Вы говорите въ Компьенѣ? Это ничего... Они не войдутъ... Развѣ это возможно? Вѣдь это позоръ!.. О, разбойники... Мы не хотѣли войны... Но они пришли... Ихъ много, такъ много, какъ анчоусовъ въ морѣ, весной... И теперь они грабятъ, жгутъ, насилуютъ женщинъ... Мы не позволимъ!.. Нѣтъ, они не будутъ въ Парижъ!..

Что мнѣ сказать? Я молчу. Онъ въ волненіи поворачивается ко мнѣ.

— У меня единственный сынъ въ войскахъ... Онъ ушелъ на четвертый день... Можетъ быть на востокъ... Я не знаю... Я ничего не знаю... Старуха плачетъ цѣлые дни. Не надо плакать... Вѣдь лучше смерть, чѣмъ Вильгельмъ... Я — старикъ. Я очень несчастливъ: я не могу взять ружье... Но каждый, кто можетъ, долженъ идти. Слышите, каждый!.. Да, каждый!.. Мы боремся за свободу!...

Я жму ему руку. У него старуха-жена, утлая лодка, утлая снасть и убогій гостепріимно-привѣтливый домъ. Онъ отдалъ сына. Онъ съ радостью отдастъ и жену, и домъ, и себя. Вѣдь — „мы боремся за свободу“!..

Въ Саппесъ, звеня шпорами, входитъ въ вагонъ драгунъ. Синяя куртка, красные панталоны и за плечами кавалерійскій Лебелъ. Черное, южное, заросшее волосами лицо. Черные, южные, пронзительные глаза. Такихъ солдатъ рисовалъ Мейссонье. Онъ — оттуда, съ фіолетовыхъ горъ. У него, на-

вѣрное, виноградникъ и, я знаю, онъ отъ зари до зари, не разгибаясь, работаетъ на поляхъ.

— Вы русскій?

— Да, русский.

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Англія! Мы боремся за свободу! Какъ въ 93-мъ году! Не правда ли, товарищъ?... Нѣтъ, не товарищъ, не правда ли, братъ?.. Развѣ мы не братья теперь?.. И вы знаете, не надо жалости... Мы будемъ жестоки!

— Жестоки?

— Да... А Лувенъ? Или это можно забыть?.. Мы не сдадимся!.. Нѣтъ... Пусть пруссаки войдутъ въ Парижъ... Пусть наводняютъ уланами Францію... Что бы ни было, мы будемъ стоять до конца. Вы меня слышите: до конца. На этотъ разъ, борьба не на жизнь, а на смерть, до послѣдней копейки, до послѣдняго человѣка!.. Я оставилъ жену, оставилъ троихъ дѣтей... Ну такъ что же? Лучше смерть, лучше голодъ, лучше голая нищета, чѣмъ Вильгельмъ!.. О, это не 70-й, это, я говорю вамъ, 39-й годъ... Да, если надо, мы будемъ жестоки... И знаете что?—онъ наклоняется низко ко мнѣ и говоритъ почти шепотомъ, точно сообщаетъ важный секретъ.—Знаете что? Вѣдь это послѣдняя война... Германія будетъ разбита, и никогда не будетъ больше войны... Не надо войска... Не надо вооруженій! Люди, всѣ люди будутъ, какъ братья. Не такъ ли?.. Развѣ за это не стоитъ, не должно отдать свою жизнь? Народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ... Понимаете ли; народъ! Народъ борется за свободу, за справедливость, за миръ... Разбойники, они пришли къ намъ, въ нашъ домъ, въ нашу семью... Они хотятъ разрушить, сжечь, раздавить... Но, вы знаете, въ концѣ концовъ побѣдятъ не они!..

Онъ сжимаетъ свой короткій Лебелъ и съ любовью, долго, разсматриваетъ его.

— Вы видите, онъ бьетъ на 2000 метровъ. Пусть я умру, но я дорого продамъ свою жизнь...

И я вѣрю: да, онъ дорого продастъ свою жизнь.

Въ Марсели, на раскаленной добѣла *Gannabière*, идутъ войска. Всю улицу запрудили густые, синіе, непроницаемые ряды. Это не нѣмецкая тяжелая, точно каменная, пѣхота. Это стройные, легкіе, веселые люди. На штыкахъ и ранцахъ

цвѣты. На пыльных лицахъ улыбки. И когда здѣсь, подъ полуденнымъ солнцемъ, смотришь на нихъ, то кажется, что вотъ такъ же, съ дѣтской улыбкой, съ алыми розами на штыкахъ, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ во главѣ, они пойдутъ на прусскіе пулеметы. Весь Марсель привѣтствуетъ ихъ. Въ сторонѣ, на углу большая толпа. Молодой, свѣтло-волосый гусарь показываетъ нѣмецкую каску. Каска остро-конечная, черная, съ золотымъ германскимъ орломъ. Странно видѣть германскій орелъ въ Марсели.

Гусарь смѣется и высоко поднимаетъ каску надъ головой:

— Да, я взялъ его въ плѣнъ... Я его не бралъ... Онъ былъ раненъ, и я могъ бы его убить.. Но зачѣмъ убивать безъ нужды? Это нѣмцы такъ дѣлають... А развѣ мы нѣмцы?..

Онъ блѣденъ и у него на перевязи рука. Онъ самъ былъ раненъ въ Альзасѣ. Не тѣмъ, не уланомъ, котораго онъ пощадилъ? Я смотрю на него: узкія плечи, впалая грудь и невинные, голубые глаза. Онъ, навѣрное, рабочій. Сынъ Парижа и душныхъ фабричныхъ станковъ.

— Мы боремся за свободу! Мы побѣдимъ! Мы не можемъ не побѣдить! Я раненъ? Вздоръ! Пустяки!.. Не стоитъ и говорить... Взгляните лучше на каску... О, мы еще много принесемъ вамъ такихъ... Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ свобода и справедливость!..

Онъ, смѣясь, исчезаетъ въ толпѣ. По Cannabiére все идутъ и идутъ войска, точно синее море вышло изъ береговъ, точно синія волны затопили Марсель, синія волны синихъ шинелей, волны вставшаго, какъ одинъ человекъ, народа. И во мнѣ крѣпнеть твердая вѣра; развѣ можно побѣдить возставшій народъ? Развѣ не жива его неумирающая душа?

Передо мною другіе люди. Высокій, тощій, съ острой бородкой старикъ, похожій на Деруледи. Въ петлицѣ орденъ Почетнаго Легіона. Онъ не дѣлаетъ ничего. Онъ — „gentier“, живетъ на свой капиталъ. Война разоряетъ его, нарушаетъ покойную жизнь.

— Вы говорите, мы побѣдимъ... Возможно... Но, во-первыхъ, изъ-за чего, позвольте спросить, война? Изъ-за того, что Австрія угрожала Сербіи? Но какое намъ дѣло до сербовъ? Что такое эти несчастные сербы? И затѣмъ, вы знаете,

мы не готовы... Сенаторъ Эмберъ доказалъ... Когда придуть индійскія войска, когда казаки будутъ въ Берлинѣ, тогда осмотримъ... А теперь—онъ неопредѣленно машетъ рукой.

— Теперь нѣтъ денегъ, мораторій, нужда...

— Такъ вы надѣтесъ на насъ, русскихъ?

— Да, конечно, на васъ...

— А ваша армія?

— Ахъ, знаете... Васъ милліоны... Вы безъ труда раздавите нѣмцевъ... Васъ слишкомъ много. Вы должны побѣдить... Ну, а затѣмъ, слушайте, если даже они войдутъ въ Парижъ,—что же? Это все-таки лучше, чѣмъ, напримѣръ, коммуна... Все-таки они защитятъ...

Я молчу. Онъ, не спѣша, зажигаетъ сигару.

— Наша армія? Вы слышали про случай съ генераломъ X, съ генераломъ Y, съ генераломъ NN? И чего правительство смотреть?.. Вѣдь нѣмцы здѣсь, подъ Парижемъ... Въ Сенлисѣ и Шантильи... Вѣдь аэропланы бросаютъ бомбы... Ахъ, ужасъ, ужасъ... А XV-й корпусъ? А сраженіе подъ Шарлеруа? А Мюлузъ?.. Вы слышали? Нѣтъ?..

Онъ сыплетъ „последними“ новостями. Въ нихъ нѣтъ правды, но есть унижительный страхъ, страхъ богатаго чело-вѣка. Все кончено, все погибло. Погибло потому, что погибъ его банкъ, его лавочка, его „коммерческій домъ“.

— Не надо войны... Не надо... О, нѣмцы, они такъ сильны!...

И племянникъ его, безусый, молодой чело-вѣкъ, *embusqué*, во избѣжаніе военной службы, поступившій въ одну изъ безчисленныхъ канцелярій, вздыхаетъ и шепчетъ:

— Президентъ Вильсонъ предлагаетъ посредничество... Но мы, конечно, не примемъ... Какъ ты думаешь, *oncle*?

А я снова вижу Марсель. Синія волны синяго моря, темно-синихъ запыленныхъ шинелей. Я вижу загорѣлыя лица, сверкающіе на солнцѣ штыки, алая розы и веселую, южную, смѣющуюся толпу. Я слышу мужественныя слова. И мнѣ хочется крикнуть, крикнуть такъ, чтобы слышали люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, люди сѣвера, люди земли, чтобы слышала вся Россія „Мы боремся за свободу... Да здравствуетъ великій французскій народъ“!..

ПАРИЖЪ.

Сегодня военный губернаторъ Парижа, командующій Парижской арміей, генераль Галліени, обратился съ воззваніемъ къ населенію и къ арміи.

„Правительство республики покинуло Парижъ въ цѣляхъ лучшей обороны отечества.

„Я получилъ приказъ защищать Парижъ противъ завоевателя.

„Этотъ приказъ я исполню до конца“.

Пруссаки въ Меаух и въ Senlis, то-есть у стѣнъ Парижа. Завтра, можетъ быть, они будутъ на Champs Elysée. Прусскія пушки разрушаютъ Mont Valérien. Прусскій уланъ осквернитъ галерею Лувра. Прусскій орелъ увѣнчаетъ Arc de Triomphe... „И увидѣлъ я въ видѣньи коней и на нихъ всадниковъ, которые имѣли на себѣ брони огненные, гіацинтовыя и сѣрыя; головы у коней, какъ головы львовъ, и изо рта ихъ выходилъ огонь, сѣра и дымъ. Отъ сихъ трехъ язвъ, отъ огня, дыма и сѣры, умерла третья часть людей“. Гдѣ прошелъ императоръ Вильгельмъ, тамъ умерла третья часть людей“. Умреть и въ Парижѣ. Неужели это не сонъ?

Я люблю Парижъ. Гдѣ бы я ни былъ, чтобы ни случилось со мной, я твердо знаю, — есть два прибѣжища, двѣ защиты: Парижъ и Москва. О нихъ я помню, ими втайнѣ спасаюсь. Въ Москвѣ я — русскій. Я русскій, потому что тамъ Кремль, Иванъ Великій, Успенскій Соборъ, домъ Толстого, домъ Герцена, потому что о Москвѣ писалъ Пушкинъ, потому что на Тверской въ ноябрѣ лежитъ снѣгъ. Въ Парижѣ я — европеецъ. Я унаслѣдовалъ что-то отъ Дантона и Вернию, отъ коммуны, отъ Флобера, Жореса, Альфреда Мюссе. И когда я вижу узорныя башни Notre Dame, мнѣ кажется, что онѣ не чужія, что я разгадалъ ихъ загадку, по-

нялъ то, что понимаетъ каждый французъ. Въ эти минуты я вѣрю: нѣтъ эллина и нѣтъ іудея, міръ живетъ единою жизнью.

Пруссаки въ Meaux и въ Senlis... Сырая, душная, сентябрьская ночь. Темно и тихо въ Парижѣ. На Champs Elysées нѣтъ огней. По черному небу украдкой бродитъ прожекторъ. Бѣлый, острый, пронзающій мечъ. На бульварахъ затаившаяся толпа. Со стороны St. Denis заглушенно гремятъ орудія. Тяжелый камень ложится на сердца. Точно вовсе не будетъ разсвѣта, точно вѣчно продлятся горестные часы... Жутокъ мракъ и жутки слабые вздохи. Вздохи города, который не спитъ, который ждетъ въ смертельной тоскѣ. Огонь, сѣра и дымъ... Но я не разумомъ знаю, я чувствую всей душой: Великъ Богъ земли русской!..

Днемъ сіяетъ нежаркое солнце, трепещутъ листья каштановъ. Улицы, какъ всегда; магазины, трамваи, кафэ и громкій голосъ бѣгущихъ автомобилей. Я хожу по бульварамъ. Я не вѣрю, что пруссаки въ Senlis. Ночью мнѣ снилось. Снилось, что вышла на землю саранча. Ея нѣтъ. Ея, конечно, не будетъ. Я вижу трудовой, огромный, любимый Парижъ, — Парижъ предмѣстій и фабрикъ. Всѣ брилліанты, цилиндры, модныя шляпы теперь на югѣ въ Бордо. Тамъ правительство, здѣсь народъ. Тамъ политика, здѣсь война. Тамъ „казаться“, здѣсь „быть“. И я съ улыбкой читаю Hervé.

— Эй вы, веселые люди въ Бордо! Вамъ, должно быть, не скучно!..

Гулко гудитъ военный автомобиль. Запыленный, съ поля сраженія. Мнѣ кажется, что на немъ слѣды пуль, брызги крови, осколки шрапнели. Впереди англійскій значокъ. На рулѣ молодой офицеръ, въ хаки, въ низкѣй фуражкѣ, стройный, четкій, точно оловянный солдатъ. Англичане дерутся, какъ играютъ въ футболъ, — хладнокровно, не торопясь, не уступая и не забѣгая впередъ. Всегда и вездѣ „All right“... Французы закрываютъ глаза. Они не видятъ, не хотятъ видѣть смерти. Они не ждутъ своей артиллеріи. Они, какъ дѣти, бросаются на штыки. Вотъ слышенъ размѣренный шагъ. Вотъ красные панталоны. Батальонъ, можетъ быть, полкъ. Эти люди еще не бывали въ бою. Это видно по ихъ шинелямъ, по ихъ блестящимъ винтовкамъ, по спокойнымъ еще

не истомленнымъ глазамъ. Я слышу восторженный крикъ: „Vive la France! Vive l'Angleterre!...“ И я знаю: нѣтъ, это сонъ. Саранча не будетъ въ Парижѣ.

Въ синемъ небѣ звенять желѣзные крылья. Что это? Прусскій аэропланъ? Или снова мнѣ снится? „И увидѣлъ я звѣзду, падшую съ неба на землю, и данъ былъ ей ключъ“. Ключъ отъ крови. Я поднимаю голову вверхъ. На солнцѣ искрится броня. Кто-то маленькій, быстрый,—звонкая стрекоза,—кружить и вьется надъ Etoile. Пройдетъ секунда, можетъ быть, двѣ, и вспыхнетъ алое пламя, задрожать разбитыя стекла, содрогнется въ страхъ земля, разбѣгутся блѣдные люди, и настанетъ мертвый покой. И я думаю: кто, безумецъ, осмѣлится пролить невинную кровь? Кто осмѣлился вылить чашу? Чашу ангела, давашаго ключъ? Тяжель грѣхъ и велико преступленіе... Звенять, жужжать желѣзные крылья. И черезъ часъ, тамъ, въ опустошенномъ Senlis, одинъ изъ „всадниковъ съ львиною головою“ расскажетъ, что онъ бросилъ съ неба огонь и что этотъ огонь убилъ ребенка... Его поздравятъ и наградятъ. И будутъ долго говорить о воинской чести. А потомъ снова „потечетъ кровь до уздъ коѣскихъ“. Снова полетитъ саранча. Снова упадетъ небесный огонь? Когда же мечь? Когда же воздаяніе?

Темнѣетъ вечеръ, опускается ночь. Темно, и сыро, и душно. Бродитъ бѣлый прожекторъ. Гремятъ орудія у Saint Denis. Свинцовый камень лежитъ на сердцѣ. И я вспоминаю: „День сей есть день гнѣва, день скорби и тѣсноты, день ужаса и опустошенія, день тьмы и мрака, день облака и и мглы“. Но пройдетъ этотъ день. Саранча не будетъ въ Парижѣ. Ибо горе тому, кто несправедливо поднялъ мечъ.

НА МАРНѢ.

6-го сентября нов. ст. главнокомандующій французской арміей, генераль Жоффръ, отдалъ слѣдующій приказъ:

„Я считаю нужнымъ напомнить, что отъ исхода настоящаго боя зависитъ судьба отечества. Теперь не время оглядываться назадъ. Необходимо заставить непріятеля отступить. Та военная часть, которая будетъ не въ силахъ подвигаться впередъ, должна во всякомъ случаѣ удержать за собою позицію. Лучше быть убитымъ на мѣстѣ, чѣмъ отойти. Въ этомъ бою никакое колебаніе недопустимо“.

Почти въ тотъ же день, командующій 8-мъ германскимъ корпусомъ, генераль Тюльфъ фонъ-Тшеппе-ундъ-Верденбахъ писалъ, обращаясь къ своимъ войскамъ: „Витри-ле-Франсуа, 7-го сентября 10 ч. 50 м. Послѣ тяжелаго и долговременнаго похода мы достигли, наконецъ, намѣченной цѣли. Главныя французскія силы вынуждены принять рѣшительный бой. Завтра вся германская армія, въ томъ числѣ 8-й корпусъ, дастъ сраженіе по всей линіи отъ Парижа до Вердена. Я ожидаю, что во имя благополучія и чести Германіи каждый офицеръ и каждый солдатъ исполнить свой долгъ до конца, до послѣдняго издыханія. Отъ исхода этого боя зависитъ все“.

Изъ этихъ двухъ короткихъ приказовъ видно, какъ высоко оцѣнивалось обѣими сторонами сраженіе на Марнѣ. Сраженіе это окончилось побѣдой французовъ. Германская армія отступила. Я посѣтилъ оставленные войсками мѣста.

I.

Куломмье и Ля-Ферте-Гозэ.

Куломмье—небольшой и спокойный городъ, одинъ изъ тѣхъ губернскихъ городовъ Франціи, гдѣ не чувствуется вліянія Парижа, гдѣ тихо на улицахъ, тихо въ уютныхъ до-

махъ и гдѣ хочется говорить шопотомъ, чтобы не нарушить мирную тишину. Черезъ Куломмье прошли нѣмецкія войска. Они не жгли, не грабили, не разоряли домовъ. Они не вѣрили въ поражение и поэтому только „шутили“. Такъ „пошутили“ они съ государственнымъ прокуроромъ. Его привели на площадь передъ мэріей.

— Вотъ здѣсь, у этой стѣны, завтра въ полдень мы разстрѣляемъ васъ, *cochon de français*... Музыка, играй похоронный маршъ!

Я видѣлъ этого прокурора. Провинціальный, скромный, обыкновенный чиновникъ. Въ глазахъ застывшій испугъ. Онъ говоритъ односложно, старательно выговаривая слова:

— Ихъ было много?

— Да, много.

— Они не жгли?

— Нѣтъ.

— Не грабили?

— Нѣтъ.

— Не разстрѣливали?

— О, нѣтъ.

— Значить, городъ не пострадалъ?

Онъ молчитъ.

— Значить, слухи объ этихъ жестокостяхъ сильно преувеличены?

Онъ опускаетъ свои испуганные глаза.

— А женщины? Вы забыли про женщинъ...

Да, въ Куломмье оставались женщины, большею частью старухи. Можетъ быть, и съ ними нѣмцы только „шутили“.

Въ Ля-Фертэ-Гошэ еще много войскъ. Гусары, артиллерія, инженерныя войска. Вся площадь и узкія улицы алѣютъ красными панталонами. Грузно стоятъ грузовые автомобили. На одномъ, сѣромъ, скучномъ, тяжеломъ я читаю: „3-й корпусъ. Ганноверъ“. Именно здѣсь, въ Ля-Фертэ-Гошэ, произошло то, что рассказалъ профессоръ Дельбэ.

„Одинъ нѣмецкій генераль бесѣдовалъ съ моей матерью при обстоятельствахъ болѣе чѣмъ странныхъ. Ля-Фертэ-Гошэ расположена на рѣкѣ Гранъ-Морэнъ. Черезъ Гранъ-Морэнъ есть два общественныхъ моста. Третій, частный, находится въ имѣніи моей матери, которой 70 лѣтъ.

„Когда пришли нѣмцы, они явились въ нашъ домъ. Генераль,—имя его осталось мнѣ неизвѣстнымъ,—пригласилъ мою мать присутствовать при прохожденіи ввѣренныхъ ему войскъ:—„то будетъ, сударыня, очень интересный и поучительный смотръ“.

„Смотръ“ тянулся съ 11-ти часовъ утра до 6-ти час. вечера. Все это время, генераль, поигрывая моноклемъ, бесѣдовалъ съ моею матерью. Онъ часто смѣялся довольнымъ и громкимъ смѣхомъ.

„Сударыня, когда вы будете нѣмкой, — ибо вы будете нѣмкой,—вы будете гордиться тѣмъ, что присутствовали на этомъ смотру.—Я велю сдѣлать доску, великолѣпную доску... Я прибью къ вашему дому на память... Французы, сударыня, защищаться не могутъ... Да, я знаю: ваши друзья англичане, ваши друзья русскіе... Англичане? Они хороши на морѣ, но на сушѣ они ничего не стоятъ... Что же касается русскихъ... а! а!.. они даже не понимаютъ, что такое настоящая армія...

— „Но они сдѣлали много успѣховъ за послѣднія десять лѣтъ...

— „Да, конечно, конечно... Но, повѣрьте, у нихъ нѣтъ арміи... Остаются французы... Что же вы хотите? Это—вырождающійся народъ... Съ французами кончено. Я вамъ скажу, какъ мы поступимъ въ вами послѣ войны... Вотъ: мы сохранимъ вашихъ лучшихъ мужчинъ и женимъ ихъ на здоровыхъ нѣмкахъ. У нихъ будутъ здоровыя дѣти... Что же касается остальныхъ, мы сошлемъ ихъ въ Америку.

— „Но, генераль, вѣдь мы одержали нѣсколько побѣдъ въ эту войну.

— „Ни одной, сударыня, ни одной.

— „Мы взяли нѣмецкое знамя...

„Вздоръ, сударыня, вздоръ... Вы не одержали ни одной побѣды и вы не одержите ни одной. Черезъ два дня мы будемъ въ Парижѣ.

„Черезъ нѣсколько дней тѣ же войска и тотъ же генераль возвращались черезъ Ля-Фертэ-Гошэ. Одинъ нѣмецкій солдатъ остановился у нашего дома. Онъ грустно сказалъ: „Нѣтъ Парижа... Нѣтъ“...

„Почти тотчасъ же въ городъ вступили наши драгуны“.

Въ Куломмѣ и въ Ля-Фертэ-Гошэ нѣмцы не разорили,